

Дела давно минувших дней.

Комната в городском трактире.

ЯВЛЕНИЕ I

Ихарев входит в сопровождении трактирного слуги Алексея и своего собственного, Гаврюшки.

Алексей: Пожалуйста-с, пожалуйста! Вот-с покойчик! Уж самый покойный, и шуму нет вовсе.

Ихарев: Шума нет, да, чай, конного войска вдоволь, скакунов?

Алексей: То есть изволите говорить насчет блох? Уж будьте покойны. Если блоха или клоп укусит, уж это наша ответственность: уж с тем стоим.

Ихарев: (Гаврюшке) Ступай выносить из коляски.

Гаврюшка уходит.

(Алексею.) Тебя как зовут?

Алексей: Алексей-с.

Ихарев: Ну, послушай (значительно), рассказывай, кто у вас живет?

Алексей: Да живут теперь много, все номера почти заняты.

Ихарев: Кто же именно?

Алексей: Швохнев Петр Петрович, Кругель, полковник, Степан Иванович Утешительный.

Ихарев: Играют?

Алексей: Да вот уж шесть ночей сряду играют.

Ихарев: Пара целковиков! (Суёт ему в руку.)

Алексей: (кланяясь) Покорнейше благодарю.

Ихарев: После еще будет.

Алексей: Покорнейше-с благодарю.

Ихарев: Между собой играют?

Алексей: Нет, недавно обыграли поручика Артуновского, у князя Шенькина выиграли тридцать шесть тысяч.

Ихарев: Вот тебе еще красная бумажка! А если послужишь честно, еще получишь. Признайся, карты ты покупал?

Алексей: Нет-с, они сами брали вместе.

Ихарев: Да у кого?

Алексей: Да у здешнего купца Вахрамейкина.

Ихарев: Врешь, врешь, плут!

Алексей: Ей-богу.

Ихарев: Хорошо. Мы с тобой потолкуем ужо.

Гаврюшка вносит шкатулку.

Ставь ее здесь. Теперь ступайте приготовьте мне умыться и побриться.

Слуги уходят.

ЯВЛЕНИЕ II

Ихарев один, отпирает шкатулку, всю наполненную карточными колодами.

Каков вид, а? Каждая дюжина золотая. Потом, трудом досталась всякая. Легко сказать, до сих пор рябит в глазах проклятый крап. Но ведь зато, ведь это тот же капитал. Детям можно оставить в наследство! Вот она, заповедная колодишка - просто перл! За то ж ей и имя дано, да: Аделаида Ивановна. Послужи-ка ты мне, душенька, так, как послужила сестрица твоя, выиграй мне также восемьдесят тысяч, так я тебе, приехавши в деревню, мраморный памятник поставлю. В Москве закажу. (Услышав шум, поспешно закрывает шкатулку.)

ЯВЛЕНИЕ III

Алексей и Гаврюшка несут лоханку, рукомойник и полотенце.

Ихарев: Что, эти господа где теперь? Дома?

Алексей: Да-с, они теперь в общей зале.

Ихарев: Пойду взглянуть на них, что за народ. (Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ IV

Алексей и Гаврюшка.

Алексей: Что, издалека едете?

Гаврюшка: А из Рязани.

Алексей: А сами тамошней губернии?

Гаврюшка: Нет, сами из Смоленской.

Алексей: Так-с. Так поместье-то, выходит, в Смоленской губернии?

Гаврюшка: Нет, не в Смоленской. В Смоленской сто душ да в Калужской восемьдесят.

Алексей: Понимаю, в двух, то есть, губерниях.

Гаврюшка: Да, в двух губерниях. У нас одной дворни: Игнатий буфетчик, Павлушка, который прежде с барином ездил, Герасим лакей, Иван - тоже опять лакей, Иван псарь, Иван, опять музыкант, потом повар Григорий, повар Семен, Варух садовник, Дементий кучер. Вот как у нас.

ЯВЛЕНИЕ V

Те же, Кругель, Швохнев (осторожно входя).

Кругель: Право, я боюсь, чтоб он нас не застал здесь.

Швохнев: Ничего, Степан Иванович его удержит. (Алексею.) Ступай, брат, тебя зовут!

Алексей уходит. Швохнев, подходя поспешно к Гаврюшке.

Откуда барин?

Гаврюшка: Да теперь из Рязани.

Швохнев: Помещик?

Гаврюшка: Помещик.

Швохнев: Играет?

Гаврюшка: Играет.

Швохнев: Вот тебе красуля. (Дает ему бумажку.) Рассказывай все!

Гаврюшка: Да вы не скажете барину?

Оба: Ни-ни, не бойся!

Швохнев: Что, как он теперь, в выигрыше? А?

Гаврюшка: Да вы полковника Чеботарева не знаете?

Швохнев: Нет, а что?

Гаврюшка: Недели три тому назад мы его обыграли на восемьдесят тысяч деньгами, да коляску варшавскую, да шкатулку, да ковер, да золотые эполеты одной выжиги дали на шестьсот рублей.

Швохнев: (взглянув на Кругеля значительно) А? Восемьдесят тысяч!

Кругель покачал головою.

Думаешь, нечисто? Это мы сейчас узнаем. (Гаврюшке.) Послушай, когда барин остается дома

один, что делает?

Гаврюшка: Да как что делает? Известно, что делает. Он уж барин, так держит себя хорошо: он ничего не делает.

Швохнев: Врешь, чай, карт из рук не выпускает.

Гаврюшка: Не могу знать, я с барином всего две недели. С ним прежде все Павлушка ездил. У нас тоже есть Герасим лакей, опять Иван лакей, Иван псарь, Иван музыкант, Дементий кучер, да намедни из деревни одного взяли.

Швохнев: (Кругелю). Думаешь, шулер?

Кругель: И очень может быть.

Швохнев: А попробовать все-таки попробуем.

Оба убегают.

ЯВЛЕНИЕ VI

Гаврюшка один.

Проворные господа! А за бумажку спасибо. Будет Матрене на чепец да пострельчонкам тоже по прянику. Эх, люблю походную жисть! Уж всегда что-нибудь приобретешь: барин пошлет купить чего-нибудь - все уж с рубля гривенничек положишь себе в карман. Как подумаешь, что за житье господам на свете! Куда хошь катать! В Смоленске наскучило, поехал в Рязань, не захотел в Рязань - в Казань. В Казань не захотел, валяй под самый Ярослав. Вот только до сих пор не знаю, который из городов будет партикулярной - Рязань или Казань? Казань будет потому партикулярной, что в Казани...

ЯВЛЕНИЕ VII

Ихарев, Гаврюшка, потом Алексей.

Ихарев: В них нет ничего особенного, как мне кажется. А впрочем... Эх, хотелось бы мне их обчистить! Господи боже, как бы хотелось! Как подумаешь, право, сердце бьется. (Берет щетку, мыло, садится перед зеркалом и начинает бриться.) Просто рука дрожит, никак не могу бриться.

Входит Алексей.

Алексей: Не прикажете ли чего покушать?

Ихарев: Как же, как же. Принеси закуску на четыре человека. Икры, семги, бутылки четыре вина. Да накорми сейчас его (указывая на Гаврюшку).

Алексей: (Гаврюшке). Пожалуйста в кухню, там для вас приготовлено.

Гаврюшка уходит.

Ихарев: (продолжая бриться). Послушай! Много они тебе дали?

Алексей: Кто-с?

Ихарев: Ну, да уж не изворачивайся, говори!

Алексей: Да-с, за прислугу пожаловали.

Ихарев: Сколько? Пятьдесят рублей?

Алексей: Да-с, пятьдесят рублей дали.

Ихарев: А от меня не пятьдесят, а вон, видишь, на столе лежит сторублевая бумажка, возьми ее. Что боишься? Не укусит. От тебя не потребуется больше ничего, как только честности, понимаешь? Карты пусть будут у Вахрамейкина или у другого купца, это не мое дело, а вот тебе в придачу от меня дюжину. (Дает ему запечатанную дюжину.) Понимаешь?

Алексей: Да уж как не понять? Извольте положиться, это уж наше дело.

Ихарев: Да карты спрячь хорошенько, чтоб как-нибудь тебя не ошупали или не увидели. (Кладет щетку и мыло и вытирается полотенцем.)

Алексей уходит.

Хорошо бы было и очень бы хорошо. А уж как, признаюсь, хочется поддеть их.

ЯВЛЕНИЕ VIII

Швухнев, Кругель и Степан Иванович Утешительный входят с поклонами.

Ихарев: (с поклоном к ним навстречу) Прошу простить. Комната, как видите, не красна углами: четыре стула всего.

Утешительный: Приветливые ласки хозяина дороже всяких удобств.

Швухнев: Не с комнатой жить, а с добрыми людьми.

Утешительный: Именно правда. Я бы не мог быть без общества. (Кругелю.) Помнишь, почтеннейший, как я приехал сюда: один-одинешенек. Вообразите: знакомых никого. Хозяйка - старуха. На лестнице какая-то поломойка, урод естественнейший; вижу, увивается около нее какой-то армейщина, видно натощиках... Словом, скука смертная. Вдруг судьба послала вот его, а потом случай свел с ним... Ну, уж как я был рад! Не могу, не могу часу пробыть без дружеского общества. Все что ни есть на душе готов рассказать каждому.

Кругель: Это, брат, порок твой, а не добродетель. Излишество вредит. Ты, верно, уж не раз был обманут.

Утешительный: Да, обманывался, обманывался, и всегда буду обманываться. А все-таки не могу без откровенности.

Кругель: Ну, признаюсь, это для меня непонятно: быть откровенно со всяким. Дружба - это другое дело.

Утешительный: Так, но человек принадлежит обществу.

Кругель: Принадлежит, но не весь.

Утешительный: Нет, весь.

Кругель: Нет, не весь.

Утешительный: Нет, весь.

Кругель: Нет, не весь.

Утешительный: Нет, весь!

Швохнев: (Утешительному). Не спорь, брат, ты не прав.

Утешительный: (горячась). Нет, я докажу. Это обязанность... Это, это, это... это долг! это, это, это..

Швохнев: Ну, зарпортовался! Горяч необыкновенно: еще первые два слова можно понять из того, что он говорит, а уж дальше ничего не поймешь.

Утешительный: Не могу, не могу! Если дело коснется обязанностей или долга, я уж ничего не помню. Я обыкновенно вперед уж объявляю: "Господа, если будет о чем подобном толк, извините, увлекусь, право увлекусь". Точно хмель какой-то, а желчь так и кипит, так и кипит.

Ихарев: (про себя) Ну нет, приятель! Знаем мы тех людей, которые увлекаются и горячатся при слове "обязанность". У тебя, может быть, и кипит желчь, да только не в этом случае. (Вслух.) А что, господа, покамест спор о священных обязанностях, не засесть ли нам в банчик?

В продолжение их разговора приготовлен на столе завтрак.

Утешительный: Извольте, если не в большую игру, почему нет?

Кругель: От невинных удовольствий я никогда не прочь.

Ихарев: А что, ведь в здешнем трактире, чай, есть карты?

Швохнев: О, только прикажите.

Ихарев: Карты!

Алексей хлопчет около карточного стола.

А между тем прошу, господа! (Указывая рукой на закуску и подходя к ней.) Балык, кажется, не того, а икра еще так и сак.

Швохнев: (посылая в рот кусок) Нет, и балык того.

Кругель: (так же) И сыр хорош. Икра тоже недурна.

Швохнев: (Кругелю) Помнишь, какой отличный сыр ели мы недели две тому назад?

Кругель: Нет, никогда в жизни не позабуду я сыра, который ел я у Петра Александровича Александрова.

Утешительный: Да ведь сыр, почтеннейший, когда хорош? Хорош он тогда, когда сверх одного обеда наворотишь другой, - вот где его настоящее значение. Он все равно что добрый квартирмейстер, говорит: "Добро пожаловать, господа, есть еще место".

Ихарев: Добро пожаловать, господа, карты на столе.

Утешительный: (подходя к карточному столу) А вот оно, старина, старина! Слышь, Швохнев, карты, а? Сколько лет...

Ихарев: (в сторону) Да полно тебе корчить!..

Утешительный: Хотите вы держать банчик?

Ихарев: Небольшой - извольте, пятьсот рублей... Угодно снять? (Мечет банк.)

Начинается игра. Раздаются восклицания:

Швохнев: Четверка, тузик, оба по десяти.

Утешительный: Поддай-ка, брат, мне свою колоду; я выберу себе карту на счастье нашей губернской предводительши.

Кругель: Позвольте присовокупить девяточку.

Утешительный: Швохнев, поддай мел. Приписываю и списываю.

Швохнев: Черт побери, пароле!

Утешительный: И пять рублей мазу!

Кругель: Атанде! Позвольте посмотреть, кажется, еще две тройки должны быть в колоде.

Утешительный: (вскакивает с места, про себя). Черт побери, тут что-то не так. Карты другие, это очевидно.

Игра продолжается.

Ихарев: (Кругелю) Позвольте узнать: обе идут?

Кругель: Обе.

Ихарев: Не возвышаете?

Кругель: Нет.

Ихарев: (Швохневу) А вы что ж? Не ставите?

Швохнев: Позвольте мне эту талию переждать. (Встает со стула, торопливо подходит к Утешительному и говорит скоро.) Черт возьми, брат! И передергивает, и все что хочешь.

Шулер первой степени!

Утешительный: (в волнении) Неужли, однако ж, отказаться от восьмидесяти тысяч?

Швохнев: Конечно, нужно отказаться, когда нельзя взять.

Утешительный: Ну, это еще вопрос, а пока с ним объясниться!

Швохнев: Как?

Утешительный: Открыться ему во всем.

Швохнев: Для чего?

Утешительный: После скажу. Пойдем.

Подходят оба к Ихареву и ударяют его с обеих сторон по плечу.

Да полно вам тратить попусту заряды!

Ихарев: (вздвигнув) Как?

Утешительный: Да что тут толковать, свой своего разве не узнал?

Ихарев: (учтиво) Позвольте узнать, в каком смысле я должен разуместь?..

Утешительный: Да просто, без дальнейших слов и церемоний. Мы видели ваше искусство и, поверьте, умеем отдавать справедливость достоинству. И потому от лица наших товарищей предлагаю вам дружеский союз. Соединив наши познания и капиталы, мы можем действовать несравненно успешней, чем порознь.

Ихарев: В какой степени я должен понимать справедливость слов ваших?..

Утешительный: Да вот в какой степени: за искренность мы платим искренностью. Мы признаемся тут же вам откровенно, что сговорились обыграть вас, потому что приняли вас за человека обыкновенного. Но теперь видим, что вам знакомы высшие тайны. Итак, хотите ли принять нашу дружбу?

Ихарев: От такого радушного предложения не могу отказаться.

Утешительный: Итак, подадимте же, всякий из нас, друг другу руки.

Все попеременно пожимают руку Ихареву.

Отныне все общее, притворство и церемонии в сторону! Позвольте узнать, с каких пор начали исследовать глубину познаний?

Ихарев: Признаюсь, это уже с самых юных лет было моим стремлением. Еще в школе во время профессорских лекций я уже под скамьей держал банк моим товарищам.

Утешительный: Я так и полагал. Подобное искусство не может приобретаться, не быв практикуемо от лет гибкого юношества. Помнишь, Швохнев, этого необыкновенного

ребенка?

Ихарев: Какого ребенка?

Утешительный: А вот расскажи!

Швохнев: Подобного события я никогда не позабуду. Говорит мне его зять (указывая на Утешительного), Андрей Иванович Пяткин: "Швохнев, хочешь видеть чудо? Мальчик одиннадцати лет, сын Ивана Михайловича Кубышева, передергивает с таким искусством, как ни один из игроков! Поезжай в Тетюшевский уезд и посмотри!" Я, признаюсь, тот же час отправился в Тетюшевский уезд. Спрашиваю деревню Ивана Михайловича Кубышева и приезжаю прямо к нему. Приказываю о себе доложить. Выходит человек почтенных лет. Я рекомендую, говорю: "Извините, я слышал, что бог наградил вас необыкновенным сыном". - "Да, признаюсь, говорит (и мне понравилось то, что без всяких, понимаете, этих претензий и отговорок), да, говорит, точно: хотя отцу и неприлично хвалить собственного сына, но это действительно в некотором роде чудо. Миша, говорит, поди-ка сюда, покажи гостю искусство!" Ну, мальчик, просто ребенок, мне по плечу не будет, и в глазах ничего нет особенного. Начал он метать - я просто потерялся. Это превосходит всякое описание.

Ихарев: Неужто ничего нельзя было приметить?

Швохнев: Ни-ни, никаких следов! Я смотрел в оба глаза.

Ихарев: Это непостижимо!

Утешительный: Феномен, феномен!

Ихарев: И как я подумаю, что при этом еще нужны дознания, основанные на остроте глаз, внимательное изучение крапа...

Утешительный: Да ведь это очень облегчено теперь. Теперь накрапливанье и отметины вышли вовсе из употребления; стараются изучить ключ.

Ихарев: То есть ключ рисунка?

Утешительный: Да, ключ рисунка обратной стороны. Есть в одном городе, - в каком именно, я не хочу назвать, - один почтенный человек, который больше ничем уж и не занимается, как только этим. Ежегодно получает он из Москвы несколько сотен колод, от кого именно - это покрыто тайною. Вся обязанность его состоит в том, чтобы разобрать крап всякой карты и послать от себя только ключ. Смотри, мол, у двойки вот как расположен рисунок! У такой-то - вот как! За это одно он получает чистыми деньгами пять тысяч в год.

Ихарев: Это, однако ж, важная вещь.

Утешительный: Да оно, впрочем, так и быть должно. Это то, что называется в политической экономии распределение работ. Все равно каретник: ведь он не весь же экипаж делает сам; он отдает и кузнецу и обойщику. А иначе не стало бы всей жизни человеческой.

Ихарев: Позвольте вам сделать один вопрос: как поступали вы доселе, чтобы пустить в ход колоды? Подкупать слуг ведь не всегда можно.

Утешительный: Сохрани бог! Да и опасно. Это значит иногда самого себя продать. Мы

делаем это иначе. Один раз мы поступили вот как: приезжает на ярмонку наш агент, останавливается под именем купца в городском трактире. Лавки еще не успел нанять; сундуки и вьюки пока в комнате. Живет он в трактире, издерживается, ест, пьет - и вдруг пропадает неизвестно куда, не заплативши. Хозяин шарит в комнате. Видит, остался один вьюк; распаковывает - сто дюжин карт. Карты, натурально, сей же час проданы с публичного торга. Пустили рублем дешевле, купцы миг расхватили в свои лавки. А в четыре дни проигрался весь город!

Ихарев: Это очень ловко.

Швохнев: Ну, а у того, у помещика?..

Ихарев: Что у помещика?

Утешительный: А это дело тоже было поведено недурно. Не знаю, знаете ли вы, есть помещик Аркадий Андреевич Дергунов, богатейший человек. Игру ведет отличную, честности беспримерной, к поползновенью, понимаете, никаких путей: за всем смотрит сам, люди у него воспитанны, камергеры, дом - дворец, деревня, сады - все это по аглицкому образцу. Словом, русский барин в полном смысле слова. Мы живем уж там три дня. Как приступить к делу? - просто нет возможности. Наконец придумали. В одно утро пролетает мимо самого двора тройка. На телеге сидят молодцы. Все это пьяно, как нельзя больше, орет песни и дует во весь опор. На такое зрелище, как водится, выбежала вся дворня. Ротозеют, смеются и замечают, что из телеги что-то выпало, подбегают, видят - чемодан. Машут, кричат: "Остановись!" - куды! никто не слышит, умчались, только пыль осталась по всей дороге. Развязали чемодан - видят: белье, кое-какое платье, двести рублей денег и дюжин сорок карт. Ну, натурально, от денег не захотели отказаться, карты пошли на барские столы, - и на другой же день ввечеру все, и хозяин и гости, остались без копейки в кармане, и кончился банк.

Ихарев: Очень остроумно. Ведь вот называют это плутовством и разными подобными именами, а ведь это тонкость ума, развитие.

Утешительный: Эти люди не понимают игры. В игре нет лицепрятия. Игра не смотрит ни на что. Пусть отец сядет со мною в карты - я обыграю отца. Не садись! Здесь все равны.

Ихарев: Именно этого не понимают, что игрок может быть добродетельнейший человек. Я знаю одного, который склонен к передержкам и к чему хотите, но нищему он отдаст последнюю копейку. А между тем ни за что не откажется соединиться втроем против одного и обыграть наверняка. Но, господа, так как пошло на откровенность, я вам покажу удивительную вещь: знаете ли вы то, что называют сводная или подобранная колода, в которой всякая карта может быть угадана мною на значительном расстоянии?

Утешительный: Знаю, но, может быть, другого рода.

Ихарев: Могу вам похвастаться, что подобной нигде не сыщете. Почти полгода трудов. Я две недели после того не мог на солнечный свет смотреть. Доктор опасался воспаления в глазах. (Вынимает из шкатулки.) Вот она! Зато уж не прогневайтесь: она у меня носит имя, как человек.

Утешительный: Как, имя?

Ихарев: Да, имя: Аделаида Ивановна.

Утешительный: (усмехаясь) Слышь, Швохнев, ведь это совершенно новая идея - назвать колоду карт Аделаидой Ивановной. Я нахожу даже, это очень остроумно.

Швохнев: Прекрасно! Аделаида Ивановна! Очень хорошо...

Утешительный: Аделаида Ивановна. Немка даже! Слышь, Кругель? Это тебе жена.

Кругель: Что я за немец? Дед был немец, да и тот не знал по-немецки.

Утешительный: (рассматривая колоду) Это, точно, сокровище. Да, никаких совершенно признаков. Неужели, однако ж, всякая карта может быть вами угадана на каком угодно расстоянии?

Ихарев: Извольте, я стану от вас в пяти шагах и отсюда назову всякую карту. Двумя тысячами готов асикурировать, если ошибусь.

Утешительный: Ну, это какая карта?

Ихарев: Семерка.

Утешительный: Так точно. Эта?

Ихарев: Валет.

Утешительный: Черт возьми, да. Ну, эта?

Ихарев: Тройка.

Утешительный: Непостижимо!

Кругель: (пожимая плечами) Непостижимо!

Швохнев: Непостижимо!

Утешительный: Позвольте еще раз рассмотреть. (Рассматривая колоду.) Удивительная вещь. Стоит того, чтобы назвать ее именем. Но, позвольте заметить, употребить ее в дело трудно. Разве с слишком неопытным игроком: ведь это нужно подменить самому.

Ихарев: Да ведь это во время самой жаркой игры только делается, когда игра возвысится до того, что и самый опытный игрок делается беспокойным; а потеряйся только немного человек, с ним можно все сделать. Вы знаете, что с лучшими игроками случается то, что называют - заиграться. Как поиграет два дни и две ночи сряду не спавши, ну и заиграется. В азартной игре я всегда подменяю колоду. Поверьте, вся штука в том, чтобы быть хладнокровну тогда, когда другой горячится. А средств отвлечь внимание других есть тысяча. Придеритесь тут же к кому-нибудь из понтёров, скажите, что у него не так записано. Глаза всех обратятся на него - а в это время колода уже и подменена.

Утешительный: Но, однако же, я вижу, что, кроме искусства, вы владеете еще достоинством хладнокровия. Это важная вещь. Приобретение вашего знакомства теперь стало для нас еще значительней. Будем без церемонии, оставим лишние этикетки и станем говорить друг другу "ты".

Ихарев: Этак бы давно следовало.

Утешительный: Человек, шампанского! В память дружеского союза!

Ихарев: Именно, это стоит того, чтобы запить.

Швохнев: Да ведь вот мы собрались для подвигов, орудия все у нас в руках, силы есть, одного недостает только...

Ихарев: Именно, именно, крепости недостает только, на которую бы идти, вот беда!

Утешительный: Что ж делать? Неприятеля пока нет. (Смотря пристально на Швохнева.) Что? У тебя как будто лицо такое, которое хочет сказать, что есть неприятель.

Швохнев: Есть, да... (Останавливается.)

Утешительный: Знаю я, на кого ты метишь.

Ихарев: (с живостью) А на кого, на кого? Кто это?

Утешительный: Э, вздор, вздор: он выдумал пустяки. Вот видите ли, есть здесь один приезжий помещик, Михаил Александрович Глов. Ну, да что об этом толковать, когда он не играет вовсе? Мы уж возились около него... Я месяц за ним ухаживал; и в дружбу и в доверенность вошел, а все ничего не сделал.

Ихарев: Ну да послушай, нельзя ли как-нибудь увидеться с ним? Может быть, почему знать...

Утешительный: Ну, я тебе вперед говорю, что это будет вовсе напрасный труд.

Ихарев: Ну да попробуем, попробуем еще раз.

Швохнев: Ну да приведи его, по крайней мере. Ну, не успеем, поговорим просто. Почему не попробовать?

Утешительный: Да, пожалуй, мне ничего это не значит; я приведу его.

Ихарев: Приведи его теперь же, пожалуйста.

Утешительный: Изволь, изволь. (Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ IX

Те же, кроме Утешительного.

Ихарев: Ведь точно, почему знать? Иногда дело кажется совсем невозможное...

Швохнев: Я сам того же мнения. Ведь не с богом здесь имеешь дело, а с человеком. А человек все-таки человек. Сегодня нет, завтра нет, послезавтра нет, а на четвертый день, как насыдешь на него хорошенько, скажет "да". Иной ведь с виду корчит, что он недоступный, а разгляди его поближе, увидишь: просто даром тревогу подымал.

Кругель: Ну, однако ж, этот не таков.

Ихарев: Эх, если бы!.. Поверить нельзя, как возродилась во мне теперь жажда деятельности. Нужно вам знать, что последний мой выигрыш, восемьдесят тысяч у полковника Чеботарева, был сделан в прошедшем месяце. С тех пор я не имел практики в продолжение целого месяца. Представить не можете, какую испытал я скуку во все это время. Скука, скука смертная!

Швохнев: Я понимаю это положение. Это все равно что полководец: что он должен чувствовать, когда нет войны? Это, любезнейший, просто фатальный антракт. Я знаю по себе, с этим нечего шутить.

Ихарев: Поверишь ли, приходит так, что если бы кто сделал пять рублей банку - я готов сесть и играть.

Швохнев: Естественная вещь. Этак проигрывались иногда искуснейшие игроки. Стоскуется, работы нет, и наскочит с горя на одного из тех, которых называют голь и перетыка, - ну и проиграется ни за что!

Ихарев: А богат этот Глов?

Кругель: О! Деньги есть. Кажется, около тысячи душ крестьян.

Ихарев: Эх, черт возьми, подпоить разве его, шампанского велеть подать?

Швохнев: В рот не берет.

Ихарев: Что ж с ним делать? Как подъехать? Но нет, однако ж, все я думаю... ведь игра соблазнительная вещь. Мне кажется, если бы он подсел только к играющим, он бы не утерпел потом.

Швохнев: Да вот мы попробуем. Мы вот здесь в стороне с Кругелем сделаем самую маленькую игру. Но не нужно к нему оказывать большого внимания: старики подозрительны.

Садятся в стороне с картами.

ЯВЛЕНИЕ X

Те же, Утешительный и Михаил Александрович Глов, человек почтенных лет.

Утешительный: Вот тебе, Ихарев, рекомендую: Михаил Александрович Глов!

Ихарев: Я, признаюсь, давно искал этой чести. Живя в одном трактире...

Глов: Мне тоже очень приятно познакомиться. Жаль только, что это случилось почти на выезде...

Ихарев: (подавая ему стул). Прошу покорнейше!.. Давно изволите жить в этом городе?

Утешительный, Швохнев и Кругель перешептываются между собой.

Глов: Ах, батюшка, уж он мне так надоел, этот город. И телом и душой рад бы отсюда поскорей вырваться!

Ихарев: Что ж, удерживают дела?..

Глов: Дела, дела. Такая комиссия мне эти дела!

Ихарев: Вероятно, тяжба?

Глов: Нет, слава богу, тяжбы нет, но тем не менее затруднительные обстоятельства. Выдаю замуж дочь, батюшка, осьмнадцатилетнюю девицу. Понимаете ли вы отцовское положение? Приехал за разными покупками, а главное, заложить имение. Дело бы уже все кончено, да приказ денег до сих пор не выдает. Даром совершенно живу.

Ихарев: А позвольте узнать, в какую сумму изволили заложить имение?

Глов: В двухстах тысяч. На днях бы должны выдать, да вот затянулось. А мне уж так опротивело здесь жить! Дома-то, знаете, все это оставил на самое короткое время. Дочь невеста... все это ждет. Я уж решился не дожидаться и бросить все.

Ихарев: Как же? И денег не хотите дождаться?

Глов: Что ж делать, батюшка? Вы рассмотрите и мое положение. Ведь вот уж месяц, как не видался с женой и детьми; писем даже не получаю, - бог весть, что там делается. Я уж все дело поручаю сыну, который здесь остается. Надоело возиться. (Обращаясь к Швохневу и Кругелю.) А что ж вы, господа? Я, кажется, вам помешал. Вы чем-то занимались?

Кругель. Вздор. Это так. От нечего делать вздумали поиграть.

Глов: Кажется, что-то похоже на банчик.

Швохнев: Какое! Для препровождения времени грошовый банчик.

Глов: Эх, господа, послушайте старика. Вы молодые люди. Конечно, тут ничего худого, больше для развлечения, да и в грошовую игру нельзя много проиграть, все это так, но вс... Эх, господа, я сам играл и знаю по опыту. Все на свете начинается грошовым делом, а смотришь, маленькая игра как раз кончилась большой.

Швохнев: (Ихареву) Ну, пошел уж старикашка плесть свое. (Глову.) Ну, вот видите, вы уж тотчас припишете важное следствие всякому вздору; это всегда уж обыкновенная замашка всех пожилых людей.

Глов: Да что ж, ведь я еще не так пожилой человек. Я сужу по опыту.

Швохнев: Я не об вас буду говорить. Но вообще у стариков есть это: например, если они на чем-нибудь обожглись, они твердо уверены - другой непременно обожжется на том же. Если они пошли какой-нибудь дорогою да, зазевавшись, шлепнулись о гололедь, - они уж кричат и выдают правило, что по такой-то дороге никому нельзя ходить, потому что на ней есть в одном месте гололедь и всякий непременно на ней шлепнется лбом, никак не принимая в уважение того, что другой, может быть, не зазеваается и сапоги у него не на скользкой подошве. Нет, у них для этого нет соображения. Собака укусила человека на улице - все кусаются собаки, и потому никому нельзя выходить на улицу.

Глов: Так, батюшка. Оно, точно, с одной стороны, есть тот грех. Да ведь зато ж и молодые! Ведь уж слишком много рыси: того и смотри, что сломит шею!

Швохнев: Вот то-то и есть, что у нас нет середины. Молодым бесится, так что невтерпеж другим, а под старость прикинется ханжой, так что невтерпеж другим.

Глов: Такого-то вы обидного мнения насчет стариков?

Швохнев: Да нет, что за обидное мнение? Это правда, больше ничего.

Ихарев: Позвольте мне заметить. Твое мнение резко...

Утешительный: Насчет карт я совершенно согласен с Михал Александровичем. Я сам играл, играл сильно. Но, благодарю судьбу, бросил навсегда. Не потому, чтобы проигрался или был вооружен против судьбы; поверьте мне, это еще ничего: проигрыш не так важен, как важно душевное спокойствие. Одно это волнение, чувствуемое во время игры, - кто что ни говори, а это сокращает видимо нашу жизнь.

Глов: Так, батюшка, ей-богу! как вы премудро заметили! Позвольте сделать вам нескромный вопрос, сколько времени имею честь пользоваться вашим знакомством, а вот до сих пор...

Утешительный: Какой вопрос?

Глов: Позвольте узнать, хоть струна и щекотливая, который вам год?

Утешительный: Тридцать девять лет.

Глов: Представьте! Что ж такое тридцать девять лет? Еще молодой человек! Ну что, если бы у нас в России было побольше таких, которые бы так мудро рассуждали? Господи ты боже мой, что бы это было: просто золотой век-с, та же астрея. Уж как, ей-богу, благодарен судьбе я за то, что познакомился с вами.

Ихарев: Поверьте мне, я тоже разделяю это мнение. Мальчишкам я бы не позволил и в руки взять карт. Но благоразумным людям почему не поразвлечься, не позабавиться? Например, почтенному старику, которому нельзя уже ни плясать, ни танцевать.

Глов: Так, вс! так; но, поверьте, в жизни нашей есть столько удовольствий, столько обязанностей, так сказать, священных. Эх, господа, послушайте старика! Нет для человека лучшего назначения, как семейная жизнь в домашнем кругу. Все это, что вас окружает, - ведь это все волнение, ей-богу-с волнение, а прямого-то блага вы не вкусили еще. Ведь вот я, поверите ли, минуты не дождусь, чтобы увидеть своих, ей-богу! Как вообразу: дочь кинется на шею: "Папаш ты мой, милый папаш!" Сын опять приехал из гимназии... полгода не видал... Просто слов недостает, ей-богу так. Да после этого на карты смотреть не захочешь.

Ихарев: Но зачем же отеческие чувства мешать с картами? Отеческие чувства сами по себе, а карты тоже...

Алексей (входя, говорит Глову) Ваш человек спрашивает насчет чемоданов. Прикажете выносить? Лошади уж готовы.

Глов: А вот я сейчас! Извините, господа, на одну минуточку вас оставлю. (Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ XI

Швохнев, Ихарев, Кругель, Утешительный.

Ихарев: Ну, нет никакой надежды!

Утешительный: Я говорил это прежде. Не понимаю, как вы не можете видеть человека. Ведь стоит только взглянуть, чтобы узнать, кто не расположен играть.

Ихарев: Ну, да все бы таки насесть на него хорошенько. Ну зачем ты сам его поддерживал?

Утешительный: Да иначе, братец, нельзя. С этими людьми нужно тонко поступать. Не то как раз догадается, что его хотят обыграть.

Ихарев: Ну да ведь что ж вышло из того? Ведь вот уедет все равно.

Утешительный: Ну, да постой, еще не все дело кончено.

ЯВЛЕНИЕ XII

Те же и Глов.

Глов: Покорнейше благодарю вас, господа, за приятное знакомство. Жаль только, право, что вот перед самым концом. А впрочем, авось приведет бог опять где-нибудь столкнуться.

Швохнев: О, вероятно. Дороги битые, а люди толкутся - как не столкнуться? Захоти только судьба.

Глов: Ей-богу, так, совершенная правда. Судьба захочет, так завтра же увидимся, - совершенная правда. Прощайте, господа! Истинно благодарю! А уж вам, Степан Иванович, так обязан! Право, вы усладили мое уединение.

Утешительный: Помилуйте, не за что. Чем мог служить, служил.

Глов: Ну, уж если вы так добры, так сделайте еще одну милость, можно ли вас просить?

Утешительный: Какую? Скажите! Все что угодно готов.

Глов: Успокойте старика отца!

Утешительный: Как?

Глов: Я оставляю здесь своего Сашу. Прекрасный малый, добрая душа. Но все еще ненадежен: двадцать два года - ну что это за лета? Почти ребенок... Кончил учебный курс и уж больше ни о чем и слышать не хочет, как об гусарах. Я говорю ему: "Рано, Саша, погоди, осмотрись прежде! Что тебе в гусары? Почему знать, может быть, у тебя штатские наклонности. Ты еще не видел почти света, время не уйдет от тебя!.." Ну, сами знаете, молодая натура. Ему уж там, в гусарах, все это блесит: шитье, богатый мундир... Что ж прикажете? Склонностей ведь удержать никак нельзя... Так будьте так великодушны, батюшка Степан Иванович! Он остается теперь один; я возложил на него кое-какие делишки. Молодой человек, все может случиться: чтобы приказные как-нибудь его не обманули... мало ли чего... Так возьмите его под свое покровительство, надзирайте над его поступками, отвлеките его от дурного. Будьте так добры, батюшка! (Берет его за обе руки.)

Утешительный: Извольте, извольте. Все, что может сделать отец для своего сына, все это я сделаю для него.

Глов: Ах, батюшка!

Обнимаются и целуются.

Ведь как видно, когда у человека-то доброе сердце, ей-богу! Бог вас наградит за это! Прощайте, господа, от души желаю вам счастливо оставаться.

Ихарев: Прощайте, доброй дороги!

Швохнев: Счастливо найти всех домашних!

Глов: Благодарю вас, господа!

Утешительный: А я вас таки провожу к самой коляске и посажу!

Глов: Ах, батюшка, как вы добры!

Оба уходят.

ЯВЛЕНИЕ XIII

Швохнев, Кругель, Ихарев.

Ихарев: Улетела птица!

Швохнев: Да, а было бы чем поживиться.

Ихарев: Признаюсь, как он сказал: двести тысяч, - у меня вздрогнуло в самом сердце.

Кругель: О такой сумме и подумать даже сладко.

Ихарев: Ведь как подумаешь, сколько денег пропадает даром, без всякой совершенно пользы. Ну что из того, что у него будет двести тысяч? Ведь это все так пойдет, на покупку каких-нибудь тряпок, ветошек!

Швохнев: И все это дрянь, гниль.

Ихарев: А ведь сколько даже так пропадает на свете, не обращаясь! Сколько есть мертвых капиталов, которые, именно как мертвецы, лежат в ломбардах! Право, даже жалость. Я бы больше не хотел иметь у себя денег, как столько, сколько лежит в опекунском совете.

Швохнев: Я помирюсь и на половине.

Кругель: Я доволен буду и четвертью.

Швохнев: Ну, не ври, немец: захочешь больше.

Кругель: Как честный человек...

Швохнев: Надуешь.

ЯВЛЕНИЕ XIV

Те же и Утешительный, входит поспешно и с радостным видом.

Утешительный: Ничего, ничего, господа! Уехал, черт его побери, тем лучше! Остался сын. Отец передал ему и доверенность, и все права на получение из приказа денег и поручил надсматривать за всем мне. Сын молодец: так и рвется в гусары. Будет жатва! Я пойду и сей же час приведу его к вам! (Убегает.)

ЯВЛЕНИЕ XV

Швохнев, Кругель, Ихарев.

Ихарев: Ай да Утешительный!

Швохнев: Bravo! Дело возымело славный оборот!

Все потирают в радости руки.

Ихарев: Молодец Утешительный! Теперь я понял, зачем он подбирался к отцу и потакал ему. И как все это ловко! Как тонко!

Швохнев: О, у него на это талант необыкновенный!

Кругель: Способности невероятные!

Ихарев: Признаюсь, когда отец сказал, что оставляет здесь сына, у меня у самого промелькнула в голове мысль, да ведь только на миг, а уж он тотчас... Сметливость какая!

Швохнев: О, ты еще не знаешь его хорошенько.

ЯВЛЕНИЕ XVI

Те же, Утешительный и Глов Александр Михалыч, молодой человек.

Утешительный: Господа! Рекомендую: Александр Михалыч Глов, отличный товарищ, прошу полюбить, как меня.

Швохнев: Очень рад... (Пожимает ему руку.)

Ихарев: Знакомство ваше нам...

Кругель: Позвольте вас прямо в наши объятия.

Глов: Господа! Я...

Утешительный: Без церемонии, без церемонии. Равенство первая вещь, господа! Глов, здесь, видишь, все товарищи, и потому к черту все этикетки! Съедем прямо на "ты"!

Швохнев: Именно, на "ты"!

Глов: На "ты"! (Подает им всем руку.)

Утешительный: Так, bravo! Человек, шампанского! Замечаете, господа, как у него даже

теперь уже видно что-то гусарское? Нет, твой отец, не говоря дурного слова, большая скотина, - извини, ведь мы на "ты", - ну как этого молодца вздумал было в чернильную службу! Ну что, брат, скоро свадьба сестры твоей?

Глов: Черт ее побери с ее свадьбой! Мне досадно, что из-за нее отец меня продержал три месяца в деревне.

Утешительный: Ну, послушай, а хороша сестра твоя?

Глов: А так хороша... Будь она не сестра... ну, уж я бы ей не спустил.

Утешительный: Bravo, bravo, гусар! Сейчас видно гусара! Ну, послушай, а помог бы ты мне, если бы я захотел ее увезти?

Глов: Почему ж? Помог бы.

Утешительный: Bravo, гусар! Вот оно, что называется настоящий гусар, черт побери! Человек, шампанского! Вот это мой решительно вкус: таких открытых людей я люблю. Постой, душа, дай обниму тебя!

Швохнев: Дай же и мне обнять его. (Обнимает его.) .

Ихарев: Пусть же и я обниму его. (Обнимает.)

Кругель: Ну, так и я ж обниму его, если так. (Обнимает.)

Алексей несет бутылку, придерживая пальцем пробку, которая хлопает и летит в потолок; наливает бокалы.

Утешительный: Господа, за здоровье будущего гусарского юнкера! Пусть он будет первый рубака, первый волокита, первый пьяница, первый... словом, пусть его будет что хочет!

Все: Пусть его будет что хочет!

Пьют.

Глов: За здоровье всего гусарства! (Подымая бокал.)

Все: За здоровье всего гусарства!

Пьют.

Утешительный: Господа, нужно его теперь же посвятить во все гусарские обычаи. Пьет он, как видно, уже сносно, но ведь это вздор. Нужно, чтобы он был картежник во всей силе! Играешь в банк?

Глов: Играл бы, смерть бы хотелось, да денег нет.

Утешительный: Экой вздор: нет денег! Было бы только с чем сесть, а там деньги будут - сейчас выиграешь.

Глов: Да ведь и сесть-то не с чем.

Утешительный: Да мы тебе поверим в долг. Ведь у тебя есть доверенность на получение денег из приказа. Мы подождем, а как тебе выдадут, ты нам тотчас и заплатишь. А до того времени ты можешь нам дать вексель. Да, впрочем, что я говорю? Как будто ты уж непременно проиграешь. Ты можешь тут же выиграть несколько тысяч чистоганом.

Глов: А как проиграю?

Утешительный: Стыдись, что ж ты за гусар после этого? Натурально, одно из двух: либо выиграешь, либо проиграешь. Да в этом-то и дело, в риске-то и есть Главная добродетель. А не рискнуть, пожалуй, всякий может. Наверняка и приказная строка отважится, и жид полезет на крепость.

Глов: (махнул рукой) Черт побери, если так, играю! Что мне смотреть на отца!

Утешительный: Bravo, юнкер! Человек, карты! (Наливает ему в стакан.) Главное, что нужно? Нужна отвага, удар, сила... Так и быть, господа, я вам сделаю банчик в двадцать пять тысяч. (Мечет направо и налево.) Ну, гусар... Ты, Швохнев, что ставишь? (Мечет.) Какое странное течение карт. Вот любопытно для вычислений! Валет убит, девятка взяла. Что там, что у тебя? И четверка взяла! А гусар, гусар-то, каков гусар? Замечаешь, Ихарев, как уж он мастерски возвышает ставки! А туз все еще не выходит. Что ж ты, Швохнев, не наливаешь ему? Вона, вона, вон туз! Вон уж Кругель потащил себе. Немцу всегда везет! Четверка взяла, тройка взяла. Bravo, bravo, гусар! Слышишь, Швохнев, гусар уже около пяти тысяч в выигрыше.

Глов: (перегибает карту) Черт побери! Пароле пе! Да вон еще девятка на столе, идет и она, и пятьсот рублей мазу!

Утешительный: (продолжая метать) У! Молодец гусар! Семерка уби... ах, нет, плие, черт побери, плие, опять плие! А, проиграл гусар. Ну что ж, брат, делать? Не у всякого жена Марья, кому бог дал. Кругель, да полно тебе рассчитывать! Ну, ставь эту, которую выдернул. Bravo, выиграл гусар! Что ж вы не поздравляете его?

Все пьют и поздравляют его, чокаясь стаканами.

Говорят, пиковая дама всегда продаст, а я не скажу этого. Помнишь, Швохнев, свою брюнетку, что называл ты пиковой дамой? Где-то она теперь, сердечная? Чай, пустилась во все тяжкие. Кругель! Твоя убита! (Ихареву.) И твоя убита! Швохнев, твоя также убита; гусар также лопнул.

Глов: Черт побери, ва-банк!

Утешительный: Bravo, гусар! Вот она, наконец, настоящая гусарская замашка! Замечаешь, Швохнев, как настоящее чувство всегда выходит наружу? До сих пор все еще в нем было видно, что будет гусар. А теперь видно, что он уж теперь гусар. Вона натура-то как того... Убит гусар.

Глов: Ва-банк!

Утешительный: У! Bravo, гусар! На все пятьдесят тысяч! Вот оно что называется великодушие! Ну поди-ка поищи, где отыщешь такую черту?.. Это именно подвиг! Лопнул гусар!

Глов: Ва-банк, черт побери, ва-банк! ...

Утешительный: Ого-го, гусар! На сто тысяч! Каков, а? А глазки-то, глазки? Замечаешь, Швохнев, как у него глазки горят? Барклай-де-тольевское что-то видно. Вот он героизм! А короля все нет. Вот тебе, Швохнев, бубновая дама. На, немец, возьми, съешь семерку! Руте, решительно руте! Просто карта фоска! А короля, видно, в колоде нет: право, даже странно. А, вот он, вот он... Лопнул гусар!

Глов: (горячась) Ва-банк, черт побери, ва-банк!

Утешительный: Нет, брат, стой! Ты уж просадил двести тысяч. Прежде заплати, без этого нельзя начинать новой игры. Мы так много не можем тебе верить.

Глов: Да где ж у меня? У меня теперь нет.

Утешительный: Дай нам вексель, подпишись.

Глов: Извольте, я готов. (Берет перо.)

Утешительный: Да и доверенность на получение денег тоже отдай нам.

Глов: Вот вам и доверенность.

Утешительный: Теперь подпиши вот это да вот это. (Дает ему подписаться.)

Глов: Извольте, я готов все сделать. Ну, вот я и подписал. Ну, давайте ж играть!

Утешительный: Нет, брат, постой, покажи-ка прежде деньги!

Глов: Да я вам заплачу. Уж будьте уверены.

Утешительный: Нет, брат, деньги на стол!

Глов: Да что ж это?.. Ведь это просто подлость.

Кругель: Нет, это не подлость.

Ихарев: Нет, это совсем другое дело. Шансы, брат, не равны.

Швохнев: Этак ты, пожалуй, сядешь с тем, чтоб обыграть нас. Дело известное: кто садится без денег, тот садится с тем, чтобы обыграть наверное.

Глов: Ну, что ж? Чего вы хотите? Назначьте какие угодно проценты, я на все готов. Я вдвое заплачу вам.

Утешительный: Что, брат, нам с твоих процентов? Мы сами готовы тебе заплатить какие угодно проценты, дай только нам займы.

Глов: (отчаянно и решительно) Ну, так скажите последнее слово: не хотите играть?

Швохнев: Принеси деньги, сейчас станем играть.

Глов: (вынимая из кармана пистолет) Ну, так прощайте же, господа! Больше вы меня не встретите на этом свете. (Убегает с пистолетом.)

Утешительный: (в испуге) Ты! Ты! Что ты? С ума сошел! Побежать за ним, в самом деле, чтоб еще как-нибудь не застрелился. (Убегает.)

ЯВЛЕНИЕ XVII

Швохнев, Кругель, Ихарев.

Ихарев: Еще выйдет история, если этот черт вздумает застрелиться.

Швохнев: Черт его возьми, пусть себе стреляется, да не теперь только: еще деньги не в наших руках. Вот беда!

Кругель: Я всего боюсь. Это так возможно...

ЯВЛЕНИЕ XVIII

Те же, Утешительный и Глов.

Утешительный: (держа Глова за руку с пистолетом) Что ты, что ты, брат, рехнулся? Слышите, слышите, господа, уж пистолет вздумал было всунуть в рот, а? Стыдись!

Все: (приступая к нему) Что ты? Что ты? Помилуй, что ты?

Швохнев: А еще и умный человек, из дряни вздумал стреляться.

Ихарев: Этак, пожалуй, вся Россия должна застрелиться: всякий или проигрался, или намерен проиграться. Да если бы этого не было, так как же можно выиграть? Ты посуды только сам.

Утешительный: Ты дурак просто, позволь тебе сказать. Ты счастья своего не видишь. Разве ты не чувствуешь, как ты выиграл тем, что проиграл?

Глов: (с досадой) Что ж вы, в самом деле, меня уж за дурака считаете? Какой тут выигрыш проиграть двести тысяч! Черт возьми!

Утешительный: Эх ты, простофиля! Да знаешь ли, какую ты этим себе славу сделаешь в полку? Слышь, безделица! Еще не будучи юнкером, да уж проиграл двести тысяч! Да тебя гусары па руках будут носить.

Глов: (ободрившись) Что ж вы думаете? У меня разве не станет духу наплевать на все это, если уж на то пошло? Черт побери, да здравствует гусарство!

Утешительный: Bravo! Да здравствуют гусары! Теремтете! Шампанского!

Несут бутылки.

Глов: (с стаканом) Да здравствуют гусары!

Ихарев: Да здравствуют гусары, черт побери!

Швохнев: Терemtete! Да здравствуют гусары!

Глов: На всJ плюю, когда так!.. (Ставит на стол стакан.) Вот беда только: домой как приеду? Отец, отец!.. (Хватает себя за волосы.)

Утешительный: Да зачем тебе ехать к отцу? Не нужно!

Глов: (вытаращив глаза) Как?

Утешительный: Ты отсюда прямо в полк! Мы тебе дадим на обмундировку. Нужно, брат Швохнев, дать ему теперь рублей двести, пусть его погуляет юнкер! Там, я уж заметил, у него есть одна... Черномазая-то, а?

Глов: Черт побери, побегу прямо к ней, возьму приступом!

Утешительный: Каков гусар, а? Швохнев, нет у тебя двухсотрублевой?

Ихарев: Да вот уж я ему дам, пусть его погуляет на славу!

Глов: (берет ассигнацию и, помахивая ею на воздухе) Шампанского!

Все: Шампанского!

Несут бутылки.

Глов: Да здравствуют гусары!

Утешительный: Да здравствуют!.. Знаешь ли, Швохнев, что мне пришло на ум? Покачаем его на руках так, как у нас качали в полку! Ну, приступай, бери его!

Все приступают к нему, схватывают его за руки и ноги, качают, припевая на известный припев известную песню:

Мы тебя любим сердечно,
Будь ты начальник наш вечно!
Наши зажег ты сердца,
Мы в тебе видим отца!

Глов: (с поднятой рюмкой) Ура!

Все: Ура!

Становят его на землю. Глов хлопнул рюмку об пол, все разбивают тоже свои рюмки, кто о каблук своего сапога, кто о пол.

Глов: Иду прямо к ней!

Утешительный: А нам нельзя за тобой, а?

Глов: Ни... никому! А кто сколько-нибудь... разделка на саблях!

Утешительный: У! Рубака какой! А? Ревнив и задорен, как черт. Я думаю, господа, что из

него просто выйдет Бурцов иора, забияка. Ну, прощай, прощай, гусар, не держим тебя!

Глов: Прощайте.

Швохнев: Да приходи нам после рассказать.

Глов уходит.

ЯВЛЕНИЕ XIX

Те же, кроме Глова.

Утешительный: Нужно его покамест ласкать, пока еще деньги не в наших руках; а там черт с ним!

Швохнев: Однако боюсь я, чтоб как-нибудь не затянулась в приказе выдача денег.

Утешительный: Да, это будет скверно, а впрочем... ведь на это, сами знаете, есть понукатели. Как ни ворочай, а все-таки придется всунуть в руку тому и другому для соблюдения порядка.

ЯВЛЕНИЕ XX

Те же и чиновник Замухрышкин (высовывает голову в дверь; одет в несколько поношенном фраке)

Замухрышкин: Позвольте узнать: не здесь ли Глов Александр Михайлович?

Швохнев: Нет. Он сейчас вышел. А что вам угодно?

Замухрышкин: Да вот по делу их насчет выдачи денег.

Утешительный: А вы кто?

Замухрышкин: Да я чиновник из приказа.

Утешительный: А, милости просим! Прошу покорнейше садиться! В этом деле мы все принимаем живейшее участие. Тем более что заключили кое-какие дружелюбные сделки с Александр Михайловичем. И потому можете понять, что вот и от него, и от него, и от него (указывая пальцами на всех) будет искреннейшая благодарность. Дело в том только, чтобы скорее как можно получить из приказа деньги.

Замухрышкин: Да уж как хотите, раньше двух недель никак нельзя.

Утешительный: Нет, это страшно далеко. Ведь вы все позабываете, что со стороны нашей благодарность...

Замухрышкин: Да уж это само собой. Все это приемлется. Как это позабыть? Мы потому и говорим "две недели", а то бы, пожалуй, вы и три месяца у нас провозились. Деньги к нам придут не раньше, как через полторы недели, а теперь во всем приказе ни копейки. На прошлой неделе получили полтора ста тысяч, все роздали; три помещика ожидают, еще с

февраля заложили имение.

Утешительный: Ну, это так для других, а для нас по дружбе... Нужно, чтобы мы с вами покороче познакомились... Ну, да что?.. Да и люди свои! Ну, как вас зовут? Как? Фентефлей Перпентьич, что ли?

Замухрышкин: Псой Стахич-с.

Утешительный: Ну, все одно почти. Ну, так послушайте, Псой Стахич! Будем так, как давние приятели. Ну, что, как вы? Как делишки, как служба ваша?

Замухрышкин: Да что служба? Известное дело - служим.

Утешительный: Ну, а доходов по службе этих, знаете, разных... а просто, много ли берете?

Замухрышкин: Конечно, сами посудите, с чего ж и жить?

Утешительный: Ну что, как в приказе у вас, скажите откровенно, все хапуги?

Замухрышкин: Ну что! Вы уж, я вижу, смеетесь! Эх, господа!.. Ведь вот тоже и господа сочинители всJ подсмеиваются над теми, которые берут взятки; а как рассмотришь хорошенько, так взятки берут и те, которые повыше нас. Ну да вот хоть и вы, господа, только разве что придумали названья поблагородней: пожертвованье там или так, бог ведает что такое. А на деле выходит - такие же взятки: тот же Савка, да на других санках.

Утешительный: Вот уж Псой Стахич и обиделся, как я вижу, - вот что значит задеть за честь!

Замухрышкин: Да ведь честь, сами знаете, дело щекотливое. А сердиться тут не из чего. Я уж, батюшка, прожил свое.

Утешительный: Ну, полно, поговоримте по-дружески, Псой Стахич! Ну что ж, как вы? Как у вас? Как поживаете? Как маячитесь на свете? Есть женушка, детки?

Замухрышкин: Слава богу. Бог наградил. Двое сыновей уж в уездное училище ходят. Два других поменьше. Один бегаёт пока в рубашонке, а другой на карачках ползает.

Утешительный: Ну, а ручонками, я чай, уже все этак (показывает рукою, как будто берет деньги) умеют?

Замухрышкин: Ведь вот вы, право, какие, господа! Ведь вот опять начали!

Утешительный: Ничего, ничего, Псой Стахич! Ведь это по дружбе. Ну что ж тут такого? Свои! Эй, дай-ка бокал шампанского Псою Стахичу! Скорей! Мы ведь теперь должны быть как короткие знакомые. Вот мы к вам соберемся тоже в гости.

Замухрышкин: (принимая бокал) А милости просим, господа! Откровенно вам скажу, что такого чаю, как вы будете пить у меня, вы у губернатора не сыщете.

Утешительный: Небось даровой, от купца?

Замухрышкин: От купца-с, выписной из Кяхты.

Утешительный: Да как же, Псой Стахич? Ведь вы дел с купцами не имеете?

Замухрышкин: (выпив бокал и упираясь руками в колени) А вот как: купец здесь больше по причине глупости своей должен был приплатиться. Помещик Фракасов, если изволите знать, закладывает имение, все уж сделано как следует, завтра остается получить деньги. Затеяли они завод какой-то в половине с купцом. Ну, нам-то, понимаете, какое дело знать, на завод ли или на что другое нужны деньги, и с кем он в половине. Это не наша часть. Да купец по глупости своей и проговорись в городе, что он с ним в половине и ждет от него с часу на час денег. Мы и подослали к нему сказать, что вот пришли две тысячи, сейчас выдадут деньги, а не то - будешь ждать! А уж к нему на фабрику привезли, понимаете, и котлы, и посуду, ожидают только задатков. Купец видит, плетью обуха не перешибешь, заплатил две тысячи да по три фунтика чаю каждому из нас. Скажут - взятка, да ведь за дело: не будь глуп; кто его толкал, языка разве не мог придержать?

Утешительный: Послушайте, Псой Стахич, ну, пожалуйста же, насчет этого дельца. Мы уж вам дадим, а вы уж там с начальниками своими сделайте как следует. Только, ради бога, Псой Стахич, поскорее, а?

Замухрышкин: Да будем стараться. (Вставая.) Но откровенно скажу вам: так скоро, как вы хотите, нельзя. Пред богом, в приказе ни копейки денег. А будем стараться.

Утешительный: Ну, как вас там спросить?

Замухрышкин: Так и спросите: Псой Стахич Замухрышкин. Прощайте, господа! (Идет к дверям.)

Швохнев: Псой Стахич, а Псой Стахич! (Оглядывается.) Постарайтесь!

Утешительный: Псой Стахич, Псой Стахич, выручайте поскорее!

Замухрышкин: (уходя). Да уж сказал. Будем стараться.

Утешительный: Черт побери, как это долго! (Бьет себя рукой по лбу.) Нет, побегу, побегу за ним, авось что-нибудь успею, не пожалею, денег. Черт его побери, три тысячи дам ему своих. (Убегает.)

ЯВЛЕНИЕ XXI

Швохнев, Кругель, Ихарев.

Ихарев: Конечно, лучше, если бы получить поскорее.

Швохнев: Да уж как нам нужно! Как нам нужно!

Кругель: Эх, если бы он уломал его как-нибудь!

Ихарев: Да что, разве ваши дела...

ЯВЛЕНИЕ XXII

Те же и Утешительный.

Утешительный: (входит с отчаяньем) Черт побери, раньше четырех дней никак не может. Я готов просто лоб расшибить себе об стену.

Ихарев: Да что тебе так приспичило? Неужто четырех дней нельзя обождать?

Швохнев: В том-то и штука, брат, что для нас это слишком важно.

Утешительный: Обождать! Да знаешь ли, что нас в Нижнем с часу на час ждут? Мы тебе не сказывали еще, а уж четыре дня назад тому мы имеем известие спешить как можно скорее, добывши во что бы ни стало хоть сколько-нибудь денег. Купец привез на шестьсот тысяч железа. Во вторник окончательная сделка, и деньги получает чистоганом; да вчера приехал один с пенькой на полмиллиона.

Ихарев: Ну так что ж?

Утешительный: Как что ж? Да ведь старики-то остались дома, а выслали вместо себя сыновей.

Ихарев: Да будто сыновья уж непременно станут играть?

Утешительный: Да где ты живешь, в китайском государстве, что ли? Не знаешь, что такое купеческие сынки? Ведь купец как воспитывает сына? Или чтоб он ничего не знал, или чтобы знал то, что нужно дворянину, а не купцу. Ну, натурально, он уж так и глядит - ходит под руку с офицерами, кутит. Это, брат, для нас самый выгодный народ. Они, дурачье, не знают, что за всякий рубль, который они выплутуют у нас, они нам платят тысячами. Да это счастье наше, что купец только и думает о том, чтобы выдать дочь за генерала, а сыну доставить чин.

Ихарев: И дела совершенно верные?

Утешительный: Как не верные! Уж нас не уведомляли бы. ВсЈ почти в наших руках. Теперь всякая минута дорога.

Ихарев: Эх, черт возьми! Что ж мы сидим? Господа, а ведь условие-то действовать вместе!

Утешительный: Да, в этом наша польза. Послушай, что мне пришло на ум. Тебе ведь спешить пока еще незачем. Деньги у тебя есть, восемьдесят тысяч. Дай их нам, а от нас возьми векселя Глова. Ты верных получаешь полтора ста тысяч, стало быть ровно вдвое, а нас ты даже одолжишь еще, потому что деньги нам теперь так нужны, что мы с радостью готовы платить алтын за всякую копейку.

Ихарев: Извольте, почему нет; чтобы доказать вам, что узы товарищества... (Подходит к шкапулке и вынимает кипу ассигнаций.) Вот вам восемьдесят тысяч!

Утешительный: А вот тебе и векселя! Теперь я побегу сейчас за Гловым; нужно его привести и всЈ устроить по форме. Кругель, отнеси деньги в мою комнату; вот тебе ключ от моей шкапулки.

Кругель уходит.

Эх, если бы так устроить, чтобы к вечеру можно было ехать. (Уходит.)

Ихарев: Натурально, натурально. Тут и минуты незачем терять.

Швохнев: А тебе советую тоже не засиживаться. Как только деньги получишь, сейчас приезжай к нам. С двумястами тысяч знаешь что можно сделать? Просто ярмонку можно подорвать... Ах, я и позабыл сказать Кругелю пренужное дело. Погоди, я сейчас возвращусь. (Поспешно уходит.)

ЯВЛЕНИЕ XXIII

Ихарев один.

Каков ход приняли обстоятельства! А? Еще поутру было только восемьдесят тысяч, а к вечеру уже двести. А? Ведь это для иного век службы, трудов, цена вечных сидений, лишений, здоровья. А тут в несколько часов, в несколько минут - владетельный принц! Шутка - двести тысяч! Да где теперь найдешь двести тысяч? Какое имение, какая фабрика даст двести тысяч? Воображаю, хорош бы я был, если бы сидел в деревне да возился с старостами да мужиками, собирая по три тысячи ежегодного дохода. А образование-то разве пустая вещь? Невежество-то, которое приобретешь в деревне, ведь его ножом после не обскоблишь. А время-то на что было бы утрачено? На толки с старостой, с мужиком... Да я хочу с образованным человеком поговорить! Теперь вот я обеспечен. Теперь время у меня свободно. Могу заняться тем, что споспешествует к образованию. Захочу поехать в Петербург - поеду и в Петербург. Посмотрю театр, Монетный двор, пройду мимо дворца, по Аглицкой набережной, в Летнем саду. Поеду в Москву, пообедаю у Яра. Могу одеться по столичному образцу, могу стать наравне с другими, исполнить долг просвещенного человека. А что всему причина? Чему обязан? Именно тому, что называют плутовством. И вздор, вовсе не плутовство! Плутом можно сделаться в одну минуту, а ведь тут практика, изученье. Ну, положим - плутовство. Да ведь необходимая вещь: что ж можно без него сделать? Оно некоторым образом предостерегательство. Ну, не знай я, например, всех тонкостей, не постигни всего этого - меня бы как раз обманули. Ведь вот же хотели обмануть, да увидели, что дело не с простым человеком имеют, сами прибегнули к моей помощи. Нет, ум великая вещь. В свете нужна тонкость. Я смотрю на жизнь совершенно с другой точки. Этак прожить, как дурак проживет, это не штука, но прожить с тонкостью, с искусством, обмануть всех и не быть обмануту самому - вот настоящая задача и цель!

ЯВЛЕНИЕ XXIV

Ихарев и Глов, вбегающий торопливо.

Глов: Где ж они? Я сейчас был в комнате, там пусто.

Ихарев: Да они сию минуту здесь были. На минуту вышли.

Глов: Как, вышли уж? И деньги у тебя взяли?

Ихарев: Да, мы с ними сделались, за тобою остановка.

ЯВЛЕНИЕ XXV

Те же и Алексей.

Алексей: (обращаясь к Глову) Изволили спрашивать, где господа?

Глов: Да.

Алексей: Да они уж уехали.

Глов: Как уехали?

Алексей: Да так-с. Уж у них с полчаса стояла тележка и готовые лошади.

Глов: (всплеснув руками) Ну, мы надуты оба!

Ихарев: Что за вздор! Я не могу понять ни одного слова. Утешительный сию минуту должен возвратиться сюда. Ведь ты знаешь, что теперь должен весь долг твой заплатить мне. Они перевели.

Глов: Какой черт долг! Получишь ты долг! Разве ты не чувствуешь, что в дураках и проведен, как пошлый пень?

Ихарев: Что ты за чепуху несешь? У тебя, видно, до сих пор в голове хмель распоряжается.

Глов: Ну, видно, хмель у обоих нас. Да проснись ты! Думаешь, я Глов? Я такой же Глов, как ты китайский император.

Ихарев: (беспокойно) Что ты, помилуй, что за вздор? И отец твой... и...

Глов: Старик-то? Во-первых, он и не отец, да и черт ли и будут от него дети! А во-вторых, тоже не Глов, а Крыницын, да и не Михаил Александрович, а Иван Климыч, из их же компании.

Ихарев: Послушай, ты! Говори сурьезно, этим не шутят!

Глов: Какие шутки! Я сам участвовал и также обманут. Мне обещали три тысячи за труды.

Ихарев: (подходя к нему, запальчиво) Эй, не шути, говорю тебе! Думаешь, я уж дурак такой... И доверенность, и приказ... и чиновник сейчас был из приказа, Псой Стахич Замухрышкин. Ты думаешь, я не могу за ним сейчас послать?

Глов: Во-первых, он и не чиновник из приказа, а отставной штабс-капитан из их же компании, да и не Замухрышкин, а Мурзафейкин, да и не Псой Стахич, а Флор Семенович!

Ихарев: (отчаянно) Да ты кто? Черт, ты говори, кто ты?

Глов: Да кто я? Я был благородный человек, поневоле стал плутом. Меня обыграли в пух, рубашки не оставили. Что ж мне делать, не умереть же с голода? За три тысячи я взялся участвовать, провести и обмануть тебя. Я говорю тебе это прямо: видишь, я поступаю благородно.

Ихарев: (в бешенстве схватывает за воротник его) Мошенник ты!..

Алексей: (в сторону) Ну, дело-то, видно, пошло на потасовку. Нужно отсюда убраться! (Уходит.)

Ихарев: (таща его) Пойдем! Пойдем!

Глов: Куда, куда?

Ихарев: Куда? (В исступлении.) Куда? К правосудью! К правосудью!

Глов: Помилуй, не имеешь никакого права.

Ихарев: Как! Не имею права? Обворовать, украсть деньги среди дня, мошенническим образом! Не имею права? Действовать плутовскими средствами! Не имею права? А вот ты у меня в тюрьме, в Нерчинске, скажешь, что не имею права! Вот погоди, переловят всю вашу мошенническую шайку! Будете вы знать, как обманывать доверие и честность добродушных людей. Закон! Закон! Закон призову! (Тащит его.)

Глов: Да ведь закон ты мог бы призвать тогда, если бы сам не действовал противозаконным образом. Но вспомни: ведь ты соединился вместе с ними с тем, чтобы обмануть и обыграть намерное меня. И колоды были твоей же собственной фабрики. Нет, брат! В том и штука, что ты не имеешь никакого права жаловаться!

Ихарев: (в отчаянье бьет себя рукой по лбу) Черт побери, в самом деле!.. (В изнеможении упадает на стул.)

Глов между тем убегает.

Но только какой дьявольский обман!

Глов: (выглядывая в дверь). Утешься! Ведь тебе еще с полугория! У тебя есть Аделаида Ивановна! (Исчезает.)

Ихарев: (в ярости) Черт побери Аделаиду Ивановну! (Схватывает Аделаиду Ивановну и швыряет ею в дверь. Дамы и двойки летят на пол.) Ведь существуют же к стыду и поношенью человека эдакие мошенники! Но только я просто готов сойти с ума - как это все было чертовски разыграно! Как тонко! И отец, и сын, и чиновник Замухрышкин! И концы все спрятаны! И жаловаться даже не могу! (Схватывается со стула и в волнении ходит по комнате.) Хитри после этого! Употребляй тонкость ума! Изощрай, изыскивай средства!.. Черт побери, не стоит просто ни благородного рвеня, ни трудов! Тут же под боком отыщется плут, который тебя переплутует! Мошенник, который за один раз подорвет строение, над которым работал несколько лет! (С досадой махнув рукой.) Черт возьми! Такая уж надувательная земля! Только и лезет тому счастье, кто глуп, как бревно, ничего не смыслит, ни о чем не думает, ничего не делает, а играет только по грошу в бостон подержанными картами!